
ФЕДЕРАЛЬНОЕ АРХИВНОЕ АГЕНТСТВО
РОССИЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ АРХИВ ЭКОНОМИКИ

ДЕНЕЖНЫЕ РЕФОРМЫ В РОССИИ

*история
и
современность*

МОСКВА
2004

ФЕДЕРАЛЬНОЕ АРХИВНОЕ АГЕНТСТВО
РОССИЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ АРХИВ ЭКОНОМИКИ

ДЕНЕЖНЫЕ РЕФОРМЫ В РОССИИ

ИСТОРИЯ
И
СОВРЕМЕННОСТЬ

сборник статей

МОСКВА - 2004

СОДЕРЖАНИЕ:

Предисловие

ДЕНЕЖНЫЕ РЕФОРМЫ XVI – XIX ВВ.

Денежная реформа 1535-1538 гг. - итог развития экономики русского государства в первой трети XVI века (<i>Семенкова Т.Г.</i>).....	9
История денежного обращения в материалах РГАДА (<i>Долгова С.Р.</i>).....	13
Некоторые аспекты изучения денежной реформы 1654-1663 гг. (<i>Мельникова А.С.</i>).....	28
Преобразования денежной системы России конца XVII – начала XVIII веков. Реформа Петра I (<i>Шулькова Н.Н.</i>).....	37
Денежные реформы Екатерины II в документах РГАДА (<i>Перышкин М.Ю.</i>).....	42
К вопросу о состоянии финансовой системы России в конце XVIII-начала XIX веков (<i>Комиссаренко А.И.</i>).....	49
Факторы устойчивости российских денег: дискуссии отечественных экономистов XVIII-начала XIX веков о перспективах бумажно-денежного обращения (<i>Назарова И.А.</i>).....	54
Разработка концепции денежной реформы 1895-1897 гг.: роль предшественников С.Ю. Витте (<i>Степанов В.Л.</i>).....	62
На пути к «золотому рублю» (<i>Бугров А.В.</i>).....	68
Денежная реформа С.Ю. Витте (1895-1897гг.) (<i>Муравьева Л.А.</i>).....	79
Рынок ценных бумаг и социально-экономические реформы в России (XIX-начало XX века) (<i>Голицын Ю.П.</i>).....	90
Особенности становления денежной системы и проведения денежных реформ в России в XIX-начале XX века (<i>Левичева И.Н.</i>).....	98
Особенности денежного обращения в России: уроки истории (<i>Андрюшин С.А.</i>).....	115

ДЕНЕЖНЫЕ РЕФОРМЫ XX В.

Денежная реформа А.В. Колчака (<i>Шиканова И.С.</i>).....	126
Реформа денежной системы в нэповской России (<i>Дегтев С.И.</i>).....	133
Червонец периода НЭПа и возможность введения золотого рубля в современной России (<i>Дерезовский Д.В.</i>).....	153
Личность реформатора: нарком финансов Г.Я. Сокольников (1888-1939 гг.) (<i>Альтман М.М.</i>).....	158
Хозяйственный кризис 1925 г. и его последствия для денежного обращения Советской России (<i>Соколов А.С.</i>).....	163
Денежная реформа 1947 г. в СССР и конфискационные денежные реформы в Европе 1944-1948 гг. (<i>Бокарев Ю.П.</i>).....	171
Денежная реформа 1947 г. и «черный» рынок (<i>Пушкарев В.С.</i>).....	183
История денежных реформ Советского государства в документах РГАЭ (<i>Исакова Е.В.</i>).....	193
Денежная реформа 1961 г. по документам РГАНИ (<i>Панин А.М.</i>).....	199
Документы РГАСПИ о денежных реформах первой половины XX века. (<i>Шепелев В.Н.</i>).....	211
Денежная реформа 1992-1993 гг. и регулирование инфляции в России: теоретическая основа (<i>Красавина Л.Н.</i>).....	216
Эволюция форм, видов, природы денег (<i>Березина М.П.</i>).....	225
Социальные функции денег в условиях экономических реформ (<i>Силласте Г.Г.</i>).....	233
Тенденции изменений денег (<i>Проскуряков В.А.</i>).....	240
Долларизация экономик суверенных государств: причины и последствия (<i>Бурлачков В.К.</i>).....	246
Взаимосвязь мирового фондового рынка и инфляционных процессов в современной России (<i>Иголкин А.А.</i>).....	251

Направления изменений кредитно-денежной политики при вступлении России в ВТО (<i>Шилова Е.В.</i>).....	256
Государственные ценные бумаги как инструмент регулирования денежного обращения в России (<i>Гудкина И.Б.</i>).....	263
Проблемы регулирования денежного оборота в России (<i>Новиков А.Н.</i>).....	267
Опыт Музея истории Финансовой академии при Правительстве РФ в изучении денежных реформ (<i>Никольский П.С., Юдинова Т.С.</i>).....	275

* * *

ПРЕДИСЛОВИЕ

Многовековые поиски способов стабилизации денежного обращения, борьбы с инфляцией и разрешения кризисов имеют особое звучание для сегодняшней экономики. Соединение исторического прошлого с современностью в рамках темы денежных реформ дает импульс для новых неожиданных поворотов в ее осмыслении.

Предлагаемый сборник затрагивает широкий спектр общеэкономических, финансовых, общественных и социальных проблем, важных и актуальных для современной России. В его основе - материалы научно-практической конференции «Денежные реформы в России: история и современность», организованной РГАЭ.

В сборник вошли статьи известных ученых - историков, экономистов, специалистов в области финансов и банковского дела, архивных и музейных работников, преподавателей МГУ, РГГУ, Финансовой академии при Правительстве России. История экономического развития России и денежных реформ XVI- XIX вв. представлена в работах известных исследователей Т.Г. Семенковой (д.э.н., профессор Финансовой академии при Правительстве России), А.И. Комисаренко (д.и.н., профессор Российской академии государственной службы при Президенте России), А.С. Мельниковой (д.и.н. ГИМ) и др. Неординарные подходы предложены Ю.П. Бокаревым (д.и.н., институт Российской истории РАН) в сравнительном анализе денежных реформ в России и Европе. Вопросы реформирования денежной системы и регулирования инфляции в условиях перехода к рыночной экономике нашли отражение в докладе Л.Н. Красавиной (д.э.н., профессор Финансовой академии при Правительстве России).

Особый интерес представляют мнения социологов, позволивших увидеть многие нюансы денежных отношений в необычном ракурсе. В статье Г.Г. Силласте (д.ф.н., профессор Финансовой академии при Правительстве России) о социальных функциях денег в условиях экономических реформ обращено внимание на общественные и нравственные аспекты в денежном обращении. Взаимосвязь мирового фондового рынка и инфляционных процессов в современной России, денежно-кредитная политика России при вступлении в ВТО, влияние современных технологий на денежное обращение, долларизация

экономики - эти и многие другие актуальные вопросы были поставлены в работах А.А. Иголкина (д.э.н., РГГУ), Е.В. Шиловой, Е.Н. Калининченко, И.Б. Гудкиной (МГУ) и др.

Обсуждение проблем истории регулирования денежного обращения в России, закономерностей возникновения социально экономических кризисов и путей их преодоления, анализ методологии и практики развития денежной системы на современном этапе создали основу для всестороннего диалога и профессиональной дискуссии заинтересованных специалистов. Материалы сборника свидетельствуют о перспективных направлениях исследований, осуществляемых на стыке наук, новых возможностях междисциплинарных связей и важности объединения усилий экономистов, историков, социологов, архивистов в изучении исторического опыта денежных реформ в России.

Читатели смогут найти ответы на вопросы, как создавалось и изменялось денежное хозяйство страны, как готовились и осуществлялись денежные реформы, каковы были их особенности и последствия для государства и общества. Сборник состоит из двух разделов: первый «Денежные реформы XVI-XIX вв.»; второй - «Денежные реформы XX в.». Материалы располагаются в хронологической последовательности и охватывают период с XVI века по 90-е годы XX века. Сборник рассчитан на экономистов, историков, специалистов музейного и архивного дела, преподавателей и студентов.

Редколлегия выражает благодарность специалистам РГАЭ Аброськиной Ю.И. и Бельчич Ю.В. за помощь в подготовке данного издания.

От редакционной коллегии.

РЕФОРМА ДЕНЕЖНОЙ СИСТЕМЫ В НЭПОВСКОЙ РОССИИ

В российской историографии отмечается, что денежные реформы 1920-х гг. хорошо изучены. Подобные взгляды оправданы с точки зрения однолинейного развития нэповской России. Однако НЭП характеризуется с разных сторон. В.И. Ленин подчёркивал роль нэпа как антикризисной платформы, Т.Е. Зиновьев говорил о региональном нэпе применительно к Северо-Западу России, Ф.Э. Дзержинский справедливо указывал, что отраслевой НЭП на транспорте не такой как, например, в строительстве.

В НЭПе проявились общие закономерности дореволюционной российской экономики: дефицит финансовых ресурсов, перераспределение средств из сельского хозяйства в промышленность, распад денежного оборота на две неравные части, избыток и дешевизна рабочей силы, высокая парцелляция и замедленный оборот земли, общинное землепользование, преобладание мелкотоварного аграрного производства, натуральное хозяйство и низкая доходность сельского хозяйства, высокий удельный вес государства в экономике. По сравнению с довоенной экономикой НЭП являлся вырождающимся капитализмом.

Важной составляющей НЭПа являлись элементы военно-коммунистической политики: противопоставление города и деревни, соразмерность развёрсточных и продналоговых изъятий, обесценение крестьянского труда, организация общества и экономики по единому образцу, распределительные отношения в народнохозяйственном масштабе, льготирование и т.д.

И всё же НЭП существовал как смешанная (двухсекторная) экономика, объединение частноправового и общественного начала. НЭП - БЕЗУСЛОВНО РЕАЛЬНАЯ РЫНОЧНАЯ СИСТЕМА (Л.Н.Юровский).

Ограниченный потенциал НЭПа обусловил низкую мобилизационную готовность страны, кризисы как имманентную черту НЭПа, незавершенность восстановительных процессов, продовольственные затруднения. Не случайно в середине 1920-х гг. восходящей линии экономики сразу, без перехода, преемствовала нисходящая стадия

НЭПа. Новая экономическая политика после затянувшегося пролога в одночасье сорвалась в эпилог 1927 -1929 гг.

Лицо НЭПа во многом определяли реформы в области денежного обращения и налогообложения.

В 1917-1922 гг. количество выпущенных денег в тысячи раз превысило емкость товарного рынка. Из оборота были изъяты земля, национализированное и муниципализированное имущество, дореволюционные процентные и дивидендные бумаги и другие объекты обращения. За пять лет революции бумажная денежная масса увеличилась в 54370 раз и темпы инфляции постоянно нарастали. Военно-коммунистический тип денежного хозяйства в советской России исчерпал свои возможности. Весьма скромные государственные доходы от выпуска ничем не обеспеченных бумажных денег за три года гражданской войны сократились примерно в пять раз. В городе к началу 1921 г. с помощью дензнаков удовлетворялось лишь около 7 % потребностей населения. Крестьяне отказывались торговать на совзнаки.

На IV конгрессе Коминтерна В. Ленин справедливо заметил, что русский рубль можно считать знаменитым хотя бы потому, что количество рублей превысило квадрильон. Кратко замысел реформы состоял во временном сохранении советских денежных знаков, упорядочении их обращения и выпуске параллельной валюты в банковских билетах. Изменение формы денежного обращения имело задачи создать «твердый» рубль, поддержать ценность совзнака, дабы не снижать эмиссионные доходы казны, вытеснить из оборота иностранную валюту и десятирублевую царскую золотую монету. Совзнаку отводилась роль базового элемента червонных денег.

Были и другие предложения, в частности, укрепить и сохранить советский денежный знак. С другой стороны, для экономических расчетов продолжали пользоваться ценами 1913 г. в золотых рублях. Существовали планы превратить в мерило стоимости товарный рубль, связанный не с золотом, а со средним курсом товаров, товарным индексом; ввести с 1 января 1922 г. «твердую учетную единицу» - тред (один нормальный день труда рабочего первого разряда), но под давлением рынка возобладала линия на переход к денежному обращению.

В обсуждении принципов реформы принимали активное участие известные до революции российские учёные и финансисты, служившие в Наркомфине и других ведомствах. Причём Н.Н. Кутлер, В.В. Тарновский, Л.Н. Юровский далеко не всякий раз находили поддержку у П.П. Гензеля, А.А. Соколова, Н.Н. Шапошникова и некоторых других специалистов. Огромную роль в подготовке и проведении реформы принадлежит В.И. Ленину и наркому финансов Г.Я. Сокольникову. С присущей ему импульсивностью Владимир Ильич в конце ноября 1922 г говорил, что с точки зрения приложения сил самые важные области - торговля, т.е. смычка с крестьянством («Без этого может наступить день, когда крестьянство пошлёт нас к чёртовой матери») и финансы («Без твёрдой валюты НЭП летит к чёрту»). В августе 1921 г. Ленин рекомендовал наркомпродовцам продавать крестьянам соль исключительно на хлеб и ни в коем случае не на дензнаки.

К денежной реформе подходили осторожно, постепенно. С мая 1922 г. вводился новый счёт - рубль нового образца приравнивался к 10 000 руб. всех ранее выпущенных образцов. *Деноминация* унифицировала денежную массу и упростила счётные операции. Эмиссионное право замыкалось на наркомате финансов. Осенью 1922 г. всем иным организациям и учреждениям было запрещено выпускать денежные обязательства на предъявителя.

В октябре 1922 г. Госбанк эмитировал первые советские банковские билеты. Началась денежная реформа. Основной денежной единицей объявлялся червонец, равный российской дореволюционной золотой десятке. Золотое содержание червонца определялось в 7,74234 г (1 золотник 78, 24 доли) чистого золота. Купюры достоинством в 1, 2, 3, 5, 10, 25 и 50 червонцев, золотая монета в один червонец предназначались, прежде всего, для обеспечения крупных финансовых операций и оптовой торговли. Червонцы были обязательны к приёму при уплате платежей и сборов, выраженных в золоте. Примерно четвертая часть червонной валюты обеспечивалась драгоценными металлами и устойчивой иностранной валютой по курсу на золото, остальная часть - легко реализуемыми товарами, краткосрочными векселями и другими ценными бумагами в червонном исчислении. Г. Сокольников неоднократно подчеркивал, что задачей денежной Реформы является «не возвращение к системе золотого обращения, а восстановление золотого обеспечения денег».

Новая валюта эмитировалась кредитным методом. Червонцы поступали в каналы денежного обращения в порядке выдачи кредитных ссуд Госбанком. Таким образом, устанавливалась связь между выпуском денег и потребностями хозяйственного оборота. Погашение червонных кредитов банковскими билетами обеспечивало возвратность червонцев в кассу Госбанка.

Параллельный с червонцем оборот совзнаков сохранялся 15 месяцев. В результате *второй деноминации* один рубль образца 1923 г. приравнивался к 100 руб. образца 1922 г. Общий объём денежной массы в итоге двух деноминаций сократился в 1 млн. раз. Эмиссия падающей валюты помогала правительству бороться с бюджетным дефицитом (в 1923 г. расходы дефицитного бюджета на 40% покрывались эмиссией совзнаков) и регулировать уровень потребления. Размен банкнот на дензнаки для многих превратился в выгодный бизнес. Конец биржевым играм на разнице курсов параллельных валют положило массовое «бегство от совзнаков» осени 1923 - зимы 1924 гг.

В феврале-мае 1924 г. денежная реформа получает своё завершение. Взамен дензнаков в оборот вводятся государственные казначейские билеты достоинством в 1,3 и 5 руб. золотом. Новые бумажные деньги выпускались не Госбанком, а Наркоматом финансов СССР под государственные гарантии и не обеспечивались золотом или банкнотами.

Печатание совзнаков было прекращено. 22 февраля 1924 г. декретировался выпуск твёрдой разменной серебряной (10, 15, 20 и 50 коп., 1 рубль) и медной монеты в 1, 2, 3, и 5 коп. в счёт выпуска казначейских билетов. Ещё спустя две недели в последний раз объявлен курс золотого рубля в совзнаках. На 10 марта 1924 г. 1 руб. в червонном исчислении приравнивался к 50000 руб. образца 1923 г. Таким образом, червонец аккумулировал в себе 50 млрд. руб. советскими дензнаками образца 1921 г. Установленный курс совзнака стабилизировал разменную валюту и замедлил скорость ее циркуляции. В ответ резко обострился дефицит денежных знаков номиналом менее 10 руб. Обороту не хватало 120-140 млн. руб., так как на 1 марта 82,2 % всей денежной массы составляли банкноты. Образовался лаж на казначейские деньги и 10-30%-й дизажио на банковские билеты. Выкуп (обмен) государством совзнаков ускоренно завершился в мае 1924 г. В июне была прекращена казначейская эмиссия бумажных денег, направленная на покрытие бюджет-

ного дефицита. В середине 1925 г. вся эмиссионная деятельность была сосредоточена в Госбанке СССР. Этому же органу были переданы фонды казначейской валюты.

Система параллельного обращения двух валют способствовала частичному восстановлению ценности денег и оздоровлению народного хозяйства. Быстрая накачка промышленности и торговли деньгами с помощью банковской эмиссии ускорила кредитование этих секторов. Произошло укрепление связей советской экономики с мировым хозяйством и, одновременно, предотвращено внедрение в России иностранной валюты. Уже через год после рождения советского червонца приток иностранного золота едва не поставил под сомнение прочность новой валюты: по выражению наблюдателей 1920-х гг. советскую Россию неожиданно накрыла кратковременная волна так называемой «золотовалютной инфляции».

С началом реформы в Москве открылись две сберкассы. Но уже в феврале 1923 г. их стало шесть, ещё спустя год - число сберкасс в СССР превысило две тысячи. Количество вкладчиков выросло на три порядка. Другим свидетельством доверия населения к советской валюте были хлебные, сахарный, выигрышный золотой займы, заем восстановления хозяйства и другие.

Валютные спекуляции на время стали рутинным элементом хозяйственной деятельности. Курсовые потери чаще всего переносились с города на деревню, с опта на розницу, с продавца на покупателя. Курсовые потери крестьянства особенно выросли осенью 1923 г., когда рабочим стали выдавать зарплату червонцами. Рынок ответил повышением совзначных продовольственных цен минимум на 10-20 %. Г.Я. Сокольников констатировал, что «если мы поворачиваемся лицом к деревне, то придётся в то же время, в известной мере, повернуться и кошельком к деревне». Преодоление «разменного кризиса» весны 1924 г. и запрет использовать казначейскую эмиссию в целях погашения дефицита бюджета в октябре 1924 г. в целом улучшили финансовое положение населения. Замена совзнаков казначейскими билетами сопровождалась обязательным снижением розничных цен на сумму сопоставимую, с курсовой надбавкой на местах.

Фактически денежная реформа осуществлялась на началах финансовой монополии. Подобно советским синдикатам, выросшим из главков и монополизировавшим целые отрасли, все банки периода нэпа были организованы со значительным участием го-

сударства и обслуживали определённые отрасли - государственную промышленность и торговлю, сельское хозяйство, кооперацию. (Исключение составил Российский коммерческий банк, но он просуществовал недолго). Не удивительно, что все хозрасчётные предприятия и госучреждения были обязаны не менее 60 % своих резервных капиталов вкладывать в государственные процентные бумаги. Все экспортёры также в обязательном порядке размещали вырученную валюту на специальных счетах в Госбанке и получали её обратно в червонцах по заниженному курсу. При импорте обменная операция осуществлялась в обратном порядке. Реальный обменный курс червонца в середине 1920-х гг. был в 1,5 раза ниже твёрдого, покупательная сила - в два раза ниже, чем у довоенного рубля или английского фунта. Между прочим, даже в 1924 г. требование обмена червонцев на валюту удовлетворялось лишь в одном случае из десяти, а в 1926 г. Госбанк вообще прекратил подобный обмен.

Котировки червонца за рубежом и денежный обмен с Западом по многим причинам сохраняли ограниченный характер. Прибалтика, Персия, сопредельный китайский рынок (в Харбине в 1924-1925 гг. червонцы оценивали не только в американских долларах, но и в японских иенах по курсу от 11,5 до 13,2 иен за червонец), Урга, Константинополь, Рим и Берлин - вот круг иностранных рынков, на которых появился советский червонец.

В самой России покупательная сила червонца в отношении довоенного рубля весьма быстро снизилась в 2 раза. В январе 1923 г. курс червонца составлял 11,08 «царских» рублей, в апреле 1924 г. - 5,52 руб. Количество твёрдых денег в обращении на душу населения к середине 1920-х гг. восстановить не удалось. В переводе на червонное исчисление в 1910 г. этот показатель равнялся 20 руб., в 1924 г. - 4,5 руб.

У реформы Сокольникова имелись также некоторые конфискационные элементы. В качестве примера приведём декрет ЦИК и СНК от 22 февраля 1924 г., по которому запрещался оборот серебряной и медной монеты царской чеканки. Старая монета превращалась в лом. А в советском серебряном рубле стоимость металла оценивалась в 50 коп., остальное являлось доходом казны. Держатели николаевских рублей понесли серьёзный ущерб.

Каковы же общие итоги денежной реформы 1920-х гг.?

По мнению наркома финансов Григория Сокольникова «денежная реформа удалась полностью». Пуд хлеба перестал быть валютной единицей, уступив место червонцу. Очень важно, что реформа удержалась от срыва на бюджетном дефиците. По образной оценке Г.Я. Сокольникова в 1922-1925 гг. НКФин перешёл от выделения ведомствам, учреждениями хозяйственным организациям бюджетной восьмушки к бюджетному полуфунту. Это очень важное наблюдение, так как реформа, несомненно, **являлась успешной именно с точки зрения обслуживания депрессивной экономики**. Величина золотого запаса составляла 1/7 от дореволюционного уровня; лучший урожай в нэповской России на треть уступал довоенному: объём денежной массы, находившейся в обращении в 2,5-3,0 раза уступал дореволюционным показателям; душевое производство сократилось примерно на 20 %, национальный доход и в 1928 г. был ниже, чем в царской России на 12 %.

При оценке нэповской денежной реформы следует иметь отметить, что некоторые действия принимались реформаторами в силу хода событий в конкретный момент. Иначе весьма спорным выглядит решение провести завершающий этап валютных преобразований весной 1924 г. - в период сжатия товарооборота и уменьшения потребности в деньгах. На этой стадии цикла денежного обращения реформа не могла обеспечить резкого роста товарооборота и интенсификации притока денежных средств в казну.

Значение денежной реформы 1922-1924 гг. в том, что был преодолен жёсткий финансовый кризис 1921-1923 гг., стабилизировано денежное обращение и заложены предпосылки дальнейшего экономического развития на началах нэпа. Унификация денежной системы в масштабе СССР означала победу над сепаратной эмиссионной политикой мест (Закавказье, Дальний Восток и др.). Реформа была частью общей восходящей линии нэпа, удачным примером перспективного ситуативного решения. В целом для этого периода развития русского «монетного двора», как и для других реформ нэпа, характерна незавершённость преобразований, усечённость экономических форм и открытость внешним регулирующим воздействиям. Окончательный успех денежной реформы зависел от состояния бюджета и товарооборота страны.

А бюджет и товарооборот в годы нэпа в первую очередь зависели от крестьянства. Эмиссия червонной валюты в первой половине 1920-х гг. во многом опиралась на поступления налогов из деревни.

15 марта 1921 г. делегаты X съезда РКП(б) практически без дискуссий приняли предложение В. Ленина заменить раскладочную продразверстку натуральным окладным налогом. В российской историографии отмечается генетическая связь продналога 1921 года и первого советского налога на крестьянство 30 октября 1918 года. Их сближали натуральный характер крестьянской повинности, нерентное обложение, установление личной ответственности по налогам и разрушение круговой поруки. Исчисление налогов проводилось по близкому кругу показателей. Размер налога был прямо пропорционален количеству земли или скота и обратно пропорционален числу едоков. Основной единицей уплаты был выбран пуд ржи и его эквиваленты. По очевидному замыслу 1918 года обложение опережало рост доходности крестьянского хозяйства. Буквально на следующий год были объявлены «льготы» — сельские хозяева освобождались от обложения натурналогом по числу голов скота и впредь должны были платить госналог только по площади посева. Слабые хозяева получили половинный оклад. Сразу выступили три родовых черты военного коммунизма: максимальное изъятие сельхозпродукции в пользу государства, отсутствие твердых стабильных ставок налога, политическая апелляция к слабому. Основными задачами сельхозналога осени 1918 г. были пополнение государственных ресурсов и экономическое регулирование индивидуального крестьянского хозяйства.

В 1920-1921 гг. по расчетам А.Л. Вайнштейна государство извлекало из деревни в среднем никак не менее 26 % всего чистого дохода сельского хозяйства. Крупные хозяйства отдавали значительно больше. Тяжесть обложения усугублялась тем, что натурналоги были непереложимы на другие социальные группы и целиком падали на сельское население. При переходе к продналогу в основу оклада деревни положили землю и количество едоков в крестьянской семье, а землю разверстывали по едокам, по работникам, по наличным душам мужского пола, по дворам и т.д. Из показателей мощности двора исключили скот, так как существовал налог на мясо и молоко, а животноводство требовало срочной поддержки. Размеры продналога были примерно вдвое ниже, чем по

продразверстке 1920-1921 гг. (240 и 423 млн. пудов соответственно). Однако известно, что по развёрстке получить более 40-60 % от намеченного крайне трудно. В 1921 г. крестьянство сдало по продналогу около 128 млн. пудов хлеба. Главная причина столь низкого уровня сдачи хлеба заключалась в поразившей страну засухе. Кроме того, общее уменьшение объемов взыскания продовольствия объяснялось тем, что, во-первых, огромные районы утратили былую платежеспособность. Например, Поволжье и Юго-Восток России понизили взнос хлебов в 10 раз. Во-вторых, налоговая система раннего нэпа отличалась известной неупорядоченностью и противоречивостью. В ней совмещались разверсточный принцип налогообложения по губерниям, уездам и т.д. и новый, нэповский принцип, установивший довольно ограниченный круг объектов обложения, с которого взимались определенные ставки.

В основном налоговая система в деревне начала 20-х годов была унаследована от старого режима и строилась на принципе частной собственности, так как налог взимался с социализированной земли и при запрете ее частного оборота. Сразу вспоминалось, что дореволюционный налог накладывался не на крестьянское хозяйство, а на десятину земли. Советский законодатель заставил крестьянина платить подати не с того, что произведено за год, а с того, что за ним числилось. Все земли выше голодного минимума переводились как бы в обрабатываемые от казны исполу.

Продналог, несомненно, облегчил положение деревни, обозначил новые направления развития экономических связей мелкотоварного хозяйства. Земледельцы воспринимали индивидуальные налоги как освобождение от непосильной принудительной разверстки. Вместе с тем, практически повсеместно встречались попытки уйти от обложения. Ежегодно от учета утаивалось около 10-25 % посевных площадей. В 1921 году в борьбе с сокрытиями власти встали на путь разверстки обнаруженной неучтенной пашни на целые села, вернув в земельные общества принцип круговой поруки. Допускалась передача необложенной пашни в земельный фонд государства на три года. К непосредственным укрывателям применялось обложение в повышенном размере, арест и конфискация имущества. Уголовное законодательство предусмотрело статью за противодействие налоговой кампании в виде массового или индивидуального отказа от при-

нения окладных листов. Уголовный кодекс 1922 года содержал имущественные кары за сокрытие пашни или зерна.

В пользу сельских хозяев в 1921 - 1922 гг. сплавились неналаженность учета объектов обложения, заметная растерянность значительной части партгосаппарата и продработников крутой сменой экономической политики и большое количество заброшенной, заболоченной, заросшей пахотнспособной земли. Добавим сюда состояние фискального аппарата. Старый податный режим распался, новый сколачивался наспех. Летом 1922 г. губернские налоговые управления были укомплектованы в среднем на 52 %. Налоговые чиновники были отнесены по зарплате к последней группе общенаркоматовских служащих. Отсутствовали средства на организацию полноценной налоговой работы. Вместе с тем, вплоть до мая-сентября 1922 года удерживался благоприятный для деревни уровень цен на сельскохозяйственные продукты. При прогрессивном налоге на основные продукты сельского хозяйства (зерно, картофель и масличные культуры) обложение сена, мяса, продукции птицеводства было пропорциональным.

Земледельческий характер налога 1921 - 1924 гг. позволял крестьянину структурировать источники своих доходов так, чтобы одни виды хозяйственной деятельности компенсировали другие. При сборе продналога выявились недостатки в оценке норм и объектов обложения. Налоговое ведомство проводило ремонт на ходу. Так, пришлось отказаться от неудачного опыта натурналога 1921 г. — централизованного определения размеров урожайности по уездам на основе статистических данных. В 1922 г. ограничились учетом урожайности в губернском масштабе, а распределение этой средней нормы урожайности предоставили губисполкомам. Вместо 14-18 налогов вводили более удобный единый натурналог, выраженный в ржаных единицах. На 1922/23 г. ставки налога были понижены на 10 %, сложены недоимки 1921 и частично 1922 гг. Власти отказались от включения в натурналог дополнительно выявленной пашни и сенокоса, как это было в 1921 году.

Мероприятия по нормализации обложения уменьшили налоговое давление на крестьянство и улучшили отношение хлеборобов к введению единого натурналога. По-нятно, любви к налогам не прибавилось. Тем более что натуральный налог сохранял свой главный недостаток — он оставался ярмом. Экономист А.Л. Вайнштейн подсчи-

тал, что в 1922/23 г. налоговое бремя на крестьянина без учета эмиссии было в полтора - два раза выше, чем до 1-й мировой войны. По мнению специалистов Наркомзема, чрезвычайная прогрессия ставок сельскохозяйственных налогов в 1922 - 1924 гг., достигавшая десятикратного разрыва, противоречила потребностям сельского хозяйства. Податные возможности крестьянства подвергались предельной нагрузке. Натуральный налог также утяжелялся прямым эмиссионным изъятием сельхозпродуктов (три четверти от прямого налогообложения 1922/23 г.), двукратным сокращением рыночных отчуждений продуктов крестьянского двора, троекратной потерей доходов от промыслов. Специалисты считали уместным напомнить, что при общем падении сельскохозяйственного производства каждый процент налога давил сильнее прежнего. В условиях ножиц цен при хорошем урожае рыночные цены сбивались настолько, что крестьяне использовали кукурузное зерно для топки печей. Из-за обесценения хлеба многие тысячи пудов пропадали для рынка и перегонялись на самогон. Цена мешка ржи упала ниже стоимости мешковины, в которую ее насыпали, за барана давали меньше, чем за его овчину. Об этом и многом другом говорили крестьяне в конце 1923 г. на многочисленных волостных беспартийных крестьянских конференциях губерний России.

Резкость крестьянским суждениям о сельскохозяйственном натурналоге придавала его расточительность. Почти четвертая часть полученного из деревни продовольствия тратилась на сбор, доставку, хранение продналога, портилась или расхищалась. До революции подобные потери в России не превышали 5 - 6 %. При путешествии хлеба из амбаров крестьян в государственные закрома он дорожал, а деньги дешевели. Единый натурналог 1922 г. позволил отказаться от получения скоропортящихся и недоброхранимых продуктов. В мае 1923 года крестьянство освободили от обязанности вносить платежи государству в натуральном виде, но продолжало собираться, храниться, портиться и расхищаться зерно, сдаваемое в семенной фонд, комитеты крестьянских обществ взаимопомощи и т.д.

Слияние в 1923-1924 г. в едином сельскохозяйственном налоге (далее по тексту - ЕСХН) единого натурналога, трудгужналога, общегражданского и местного налогов отвечало интересам большинства сельского населения, и власти. В 1923 г. для 38 губерний России вводилась чисто денежная форма уплаты, для 37 российских губерний и Ук-

раины — смешанная. Плательщики явно предпочли уплату золотыми рублями и облигациями хлебного займа. Из поступивших по ЕСХН 524,3 млн. пудов ржаных единиц натурой было внесено только 115,8 млн. пудов ржаных единиц. Несмотря на то, что в некоторых губерниях замена натуралога деньгами в условиях падающей валюты и низких цен на хлеб была крестьянину по карману, сельчане неохотно расставались с хлебом и иногда, чтобы покрыть налог, везли на рынок домашний скарб. В конце 1923 года в уплату ЕСХН по сверхнизким ценам пошел скот. В этом проявлялось старое конфискационное содержание налога. С 1 января 1924 года сельхозналог взимался только рублями.

С переходом к денежной форме сельхозналога на очередь дня были поставлены учет всех доходов сельского населения, начисление налога по общей мощности и платежеспособности крестьянского двора. Решения Второго съезда советов СССР о максимальном приближении ЕСХН к подоходному налогу, усилении прогрессивности обложения, изменения ставок платежей в соответствии с экономической мощностью отдельных районов и исчисление налога с «совокупности доходов крестьянского хозяйства, а не только с земледелия» привели к переобложению деревни. Постановление ЦИК СССР от 30 апреля 1924 г. объявляло животноводство самостоятельным источником обложения, отказалось от принципа «нет посева — нет налога» и установило сельхозналог для пригородных хозяйств, промышлявших производством мяса и молока. Учет неземледельческих заработков поставил последнюю точку в диспутах сторонников подоходного и рентного способов обложения крестьянства.

По мере восстановления экономики в России выявилось отсутствие единого подхода к обложению. В податной системе совместились три расходящихся принципа — дегрессии, пропорциональности и регрессии. Налогоплательщик очутился в зависимости от усмотрения регулирующего налогового органа, а не закона. Налоговая кампания 1923/24 года окончательно закрепила линию на максимальное льготирование деревенской бедноты. В целом удельный вес ЕСХН в налоговых платежах сельских хозяйств оставался непропорционально высок. На него приходилось около половины всего налогового бремени. Единый сельхозналог 1924/25 г. мог быть ещё хуже для крестьянства, пройди через ВЦИК предложение о дополнении списка объектов обложения (пахотная и сенокосная земля, рабочий и продуктивный скот, наличие едоков, урожайность, не-

земледельческие заработки) рабочей силой хозяйств. О переобложении сельского хозяйства говорили рабочие, служащие, домохозяйки, коммунисты и беспартийные, красноармейцы и студенты. 24 октября 1924 г. И.В. Сталин признает разлад с деревней. Повод для беспокойства действительно был. В середине 1920-х годов аграрный сектор по размерам производства примерно в семь раз превосходил валовые показатели индустрии. Крестьянин-единоличник являлся основным производителем материальных ценностей. Вопрос стоял о сохранении экономической базы революционной власти. Партийный курс на разворот советской политики «лицом к деревне» снял возникшую напряженность.

На пике нэпа изъятие доходов из деревни сократилось до нижнего предела в годы нэпа. Сумма ЕСХН в 1925-1926 окладном году составляла всего 251,7 млн. руб. против 326,2 млн. руб. в предыдущем году. На короткое время закрылся створ «ножниц» цен, в полтора-два раза увеличилась товарность сельского хозяйства. Однако уже весной 1925 года Наркомат финансов СССР выступил с предложением о переходе к подоходности обложения сельского населения. Налоговое управление НКФ предлагало включить в сферу обложения крестьянского двора доходы от второстепенных отраслей и неземледельческих заработков, определять налоговую мощность хозяйства по совокупности доходов от всех источников в рублевом выражении.

Своя программа реформы единого сельхозналога была в Наркомземе. И здесь критиковали старый сельхозналог, говорили, что «за весь период революции вплоть до текущего года обложение сельского населения носило сословный характер. Оно сильно отличалось от обложения городского трудового населения как по своим принципам, так и по размерам. Главный дефект наркомфиновской инициативы нарком земледелия А.П. Смирнов видел в завышении общей суммы ЕСХН 1926/27 года. Наркомфин наметил увеличить сельскохозяйственный налог на 28,5 %, при этом поднимая и косвенные налоги, в том числе акцизы. Смирнов высказался за более умеренный рост налога, в размерах 10 - 12 %, до 260 - 265 млн. руб. к получению, или 285 - 290 млн. руб. к предъявлению при 8 процентах льготного фонда и повышении прогрессии имущей деревне. А.П. Смирнов знал, что естественный прирост объектов обложения составил всего 6-7%. «Брюхановский» (по фамилии наркома финансов СССР) метод обложения незем-

леделческих промыслов наносил удар по экономике малоземельных хозяйств. По официальным данным, 22,5 % хозяйств имели до четверти десятины на едока и занимались неземледельческими промыслами. Из хозяйств, где было свыше 3 десятин земли на едока, неземледельческими промыслами занимались только 2,1 % хозяйств.

Обложение по посевам также ущемляло низшие группы, так как процент засеянной земли был гораздо выше у малоземельных крестьян. Взимание ЕСХН по валовому доходу крестьянина обнаруживало резкую грань между обложением города и деревни. А.П. Смирнов приводил такие цифры: для крестьянина необлагаемый минимум устанавливался в 20 - 30 рублей на душу. Значит, при трех едоках минимум необлагаемого дохода составлял приблизительно 60 - 90 рублей. В городе для трудового элемента планировался необлагаемый минимум в 900 рублей, то есть 225 руб. на едока. В сельскохозяйственном налоге такой доход попадал под высшую ставку, при которой платежи составили бы 175,8 руб. (19,5 % изъятия). При минимальном однопроцентном обложении городского ремесленника по четвертому поясу из дохода в 300 руб. государство заберет всего 3 рубля, тогда как сельхозналог на такой же доход при четырех едоках «облегчит» крестьянина на 28,8 руб. (9,6 % изъятия). Рабочий начинал платить налог только с жалования в 75 руб. При новом положении о сельхозналоге крестьяне получали возможность сопоставить деревенские и городские налоги, что, по мнению А.П. Смирнова, привело бы к нежелательным политическим выводам. Простейшие прикидки сотрудника ЦСУ Е.В. Пашковского показывали, что в городе при доходе на едока в 180 руб. начисляли налог в 2 %, в деревне тот же доход облагался в 14 %. Чтобы погасить неизбежное недовольство деревни, статистик предложил обосновать и применить различные нормы прожиточного минимума рабочего и крестьянина, обложить сельхозналогом зарплату учителей и советских работников, приписанных к деревне. Впрочем, такой механизм существовал уже давно. Со слов сотрудника Наркомфина М.И. Лифшица, «при построении нынешнего закона (на 1925-26 г.) доход каждого объекта и по каждой губернии также исчислялся в рублях. Затем мы все эти расчеты прятали в законе примерно по тем же соображениям, о которых говорил тов. Пашковский. Рубли перевели обратно в десятины, коровы, лошади и во что угодно. Почему? Зачем? А чтобы крестьяне не знали, не сопоставляли с городским обложением. Будто бы

крестьянин не знает, что в городе при таком доходе, как у среднего крестьянского хозяйства, налог вовсе не берут или берут очень мало». То же самое отмечал А. И. Рыков.

А. П. Смирнова активно поддерживала земплановская профессура. Не случайно в лагере Наркомфина альтернативный проект реформы ЕСХН окрестили «земплановским». В записке «К вопросу о построении системы обложения сельского хозяйства» Н. Д. Кондратьев отмечал, что НКФ «идет в направлении планового нажима на крайние хозяйства слишком далеко» и сталкивается с идеей развития производительных сил сельского хозяйства. В принципиальном плане ученый отдавал предпочтение системе рентного обложения, когда из валовой продукции вычитаются издержки, включая издержки на восстановление средств производства и рабочей силы, а также процент на вложенный капитал без учета неземледельческих промыслов. Для последних больше подходило самостоятельное обложение. Н. Д. Кондратьев обращал внимание коллег на то, что система НКФ «опирается на дуалистический способ определения платежных сил сельского населения. Доход от полеводства и животноводства определяется статистически в среднем на единицу посева (на едока) по губерниям, а доход от второстепенных отраслей и внеземледельческих доходов сельского населения — прямым путем в каждом отдельном хозяйстве через волостные налоговые комиссии, метод работы которых, однако, пока не определен». Его поддержал профессор А. Н. Челинцев, заявивший, что предъявление индивидуальным хозяйствам к обложению интенсивных отраслей грозит свертыванием самых нужных культур и животноводческих отраслей, без коих нельзя изживать перенаселение и на подъем коих направлена значительная часть средств Наркомзема. По мнению профессора М. И. Боголепова из Госплана, понижение единого сельхозналога в 1925 году обеспечило властям огромный политический капитал в деревне. Г. М. Кржижановский (Госплан) предупреждал, что к ломке сельскохозяйственного обложения, касающегося десятков миллионов плательщиков, надо приступать с чрезвычайной осторожностью. «Мы и так слишком часто дергали в этом отношении наше крестьянство, — говорил он. — С общей точки зрения я считаю, что принцип прогрессивного подоходного обложения 24 млн. крестьянских дворов — вредная и неправильная утопия».

Однако аргументы ученых Земплана и Госплана тут же были подвергнуты критике с теоретических позиций. Профессор П.И. Лященко осудил выступления Кондратьева и его коллег как построенные на неправильном истолковании марксистских положений о ренте. П.И. Попов из ЦСУ обвинил их в протаскивании частной собственности на землю. По его мнению, если рента являлась источником дохода крестьянского хозяйства и не изымалась, значит, сохранялась частная собственность на землю. Политические обвинения стали решающим аргументом в споре ученых-экономистов¹.

Последний бой приверженцев и противников новой системы обложения крестьянства состоялся 20 апреля 1926 года на второй сессии Союзного ЦИКа 3-го созыва. С основным докладом по вопросу о сельскохозяйственном налоге перед делегатами выступил Н.П. Брюханов. Он справедливо отметил, что система сельхозналога в значительной степени являлась наследием эпохи продовольственной разверстки и в ней сохранилось много пережитков натурального обложения крестьян. Главными недостатками сельхозналога докладчик назвал неравномерность обложения, сложность и запутанность методики определения ставок платежей, несовершенный способ освобождения от ЕСХН крестьянской бедноты, низкую прогрессию для зажиточных (платили от 4 до 12 % условно-чистого дохода хозяйства) и переобложение малосостоятельного крестьянства. Среди существенных дефектов налогового механизма Брюханов назвал земледельческий характер ЕСХН, хотя два съезда советов СССР в 1924 и 1925 гг. высказались за оклад сельских жителей по совокупности доходов. В заключительном слове на сессии нарком финансов Н.П. Брюханов заверил депутатов, что наркомат финансов не собирается забирать у крестьянина последнее.

На самом же деле имелись более чем серьезные основания усомниться в простодушии савлов, якобы забывавших взыскивать с крестьянских заработков. Делегат ЦИК СССР от Иваново-Вознесенской губернии Волков тонко подметил, что в 1925-26 году в Московской губернии за десятину земли платили 11,5 руб., а в Саратовской губернии по одинаковому разряду обложения и единой ставке — всего 4,7 руб., хотя даже без удобрений получали с земли вдвое. «Это показывает, — говорил наблюдательный ивановец, — что в прошлом году не одна земля, не одна урожайность от земли учитывалась Наркомфином, а учитывалось, по-видимому, еще что-то другое. Это что-то другое

и было именно тем, что здесь называется неземледельческим заработком. Как бы наркомфин не говорил, что он в прошлом году учитывал только доход от земли, это — неверно. Подсобный заработок по промышленному центру учитывался. Но как учитывался? В прошлом году неземледельческие заработки или доходы от этих заработков брались и раскладывались на целую губернию, и под одинаковое обложение попадали все хозяйства, с заработками и без них».

25 апреля 1926 г. положение о едином сельскохозяйственном налоге было утверждено в трактовке НКФ СССР

Уже после того, как Наркомфин отпраздновал победу над Наркомземом и крестьянством, народный комиссар земледелия Александр Петрович Смирнов разослал циркулярное письмо от 11 июня 1926 г. с пояснениями по применению нового единого сельхозналога. В циркуляре отмечалось, что закон об ЕСХН на 1926/27 год предоставил местным органам широкие полномочия по привлечению к обложению мелкого скота, специальных отраслей сельского хозяйства и неземледельческих промыслов и определению доходности этих отраслей. НКЗ ориентировал губернские земельные управления на решительный протест против привлечения к обложению специальных отраслей, если те имели чисто потребительское значение. В документе обращалось внимание, что примерные нормы доходности специальных отраслей не носили нормативного характера, и местные земельные органы не обязаны рассматривать эти условные показатели даже в качестве средних по губернии. Наркомат просил тщательно учитывать все издержки сельскохозяйственного производства и амортизацию капитала в неземледельческих промыслах, которые должны вычитаться из валового дохода. «Необходимо стремиться к установлению скидок из валового дохода», — напоминалось губземуправлениям об их правах регулировать размеры изъятий. Земельные работники предостерегались от перекося в налоге на владельцев сложных сельскохозяйственных машин. Обложение заработков от сдачи их в аренду не должно вести к сокращению машинного труда или увеличению машинной платы. В циркуляре отмечалось, что «в прошлые годы премирование улучшений, проводимых в крестьянском хозяйстве, было одним из важнейших стимулов для развития массовых мероприятий земорганов. В этом году система премий исключена, необходимо земорганам тщательно собрать материалы о влиянии исключения этой меры

на развитие массовых мероприятий земорганов. Земорганы должны иметь в виду, что по состоянию бюджета надеяться на замену премий ассигнованиями из госбюджета невозможно, почему исключение премий не может быть компенсировано». В заключении отмечалось, что «в новом законе имеется много трудного, в то же время этот закон является первым шагом к подоходному обложению сельского хозяйства».

Сельхозналог 1926/27 года во многом получился не таким, каким его планировал брюхановский Наркомфин. Вместо назначенных к поступлению 300 млн. руб. единого сельхозналога усердные мытари собрали вместе с недоимкой и пеней 312 млн. руб. Отдача десятины оставалась невысокой. Урожай с налоговой единицы колебался от 20 - 25 пудов (или ниже — в потребляющих губерниях) до 90 - 100 пудов зерна. В среднем хорошая десятина давала в СССР по 50 - 60 пудов ржи, в два - три раза меньше, чем в экономически развитом зарубежье. Особенно неэффективно использовалась арендованная земля, из-за чего нормы ее доходности понижались местными органами на 10-25 %. По половинным нормам доходности земли (к зерновым культурам) исчислялся налог с посевов льна, хлопка, конопли и сахарной свеклы. Столь низкая отдача крестьянской трехпольки усугублялась тем, что два высокоурожайных года (1925 и 1926 гг.) привели к завышению нормативной доходности земли. В обложение ЕСХН по преимуществу попали лишь доходы от мельниц, крупорушек, маслобоек и других предприятий кустарного типа, иногда побочные заработки освобождались целиком. Сельские портные, сапожники, шапошники, колесники, бондыри и прочие деревенские умельцы облагались лишь в небольших специализированных районах.

29 июня 1926 года Калинин, Рыков и Енукидзе подписали постановление, по которому заработная плата по найму включалась в облагаемый по единому сельхозналогу доход лишь в части, поступавшей в сельское хозяйство. Сумма налога не должна была превышать обложение подоходным и промысловыми налогами. Из городского заработка крестьянина отныне предлагалось вычитать затраты на прокорм, квартиру, проезд туда и обратно, а окладывать только то, что он пришлет или привезет в семью. На дальнейшее упорядочение налоговой нагрузки кустарей был также направлен закон 3 августа 1926 г. Поскольку оказались переобложены маломощные дворы, на следующий год волналогкомиссиям разрешили освобождать от обложения единым сельхозналогом неземель-

ческие доходы бедняков. С целью дальнейшего «упорядочения» обложения в 1927 году было установлено привлечь в налог отхожие заработки во всех районах без исключения. Перечисления заработной платы в единый сельхозналог ограничили 10 - 15 %. Мало-едоцким маломощным хозяйствам, пострадавшим от переобложения в 1926/27 году, устанавливалась 30 - 40 % скидка с налога. Необлагаемый минимум на едока для бедняцких хозяйств подняли с 25 до 30 руб. и на хозяйство с 75 до 90 руб. (при 1 - 2 едоках в семье), до 100 руб. при 3 - 4 едоках и 110 рублей — с 5 и более едоками.

Одновременно выявились серьезные просчеты в окладе крестьянского животноводства. Правительство с сожалением констатировало, что «практика истекшего 1926 года показала, как только скот достигает возраста, с которого по закону он уже учитывается для обложения, его начинают резать. Крестьяне считают невыгодным платить налог в этом возрасте (2-3 года), так как скот не приносит еще достаточного дохода». Двухлетние коровы не давали молока, трехлетние лошади не годились для пахоты, домашний продуктивный скот не успевал нагулять настоящей тяжелой кожи, пригодной для промышленной обработки. Новый закон о ЕСХН на 1927/28 г. повысил возраст окладного скота с 2 до 3 лет, рабочего скота — с 3 до 4 лет. Республиканским совнаркомом было предложено установить в 1927 году пониженные нормы доходности для молочного скота в районах промышленного маслоделия, было введено более льготное обложение мелкого скота. Возраст облагаемых налогом свиней в РСФСР был повышен с 4 до 8 месяцев. Одному двору разрешалось содержать не более трех голов овец (коз) и одну свинью. В 1925 - 26 гг. Рыков убеждал наркомземовцев, что деревня не хочет льгот племенному скоту. В апреле 1926 года их сняли и обложили племенных животных полновесным налогом. После этого удара элитное ремонтное стадо стало резко сокращаться, и в 1927 году всякие налоги на племенной скот пришлось отменить.

Таким образом, большая часть нововведений 1926 г. в самое ближайшее время подверглась широкой корректировке. Многие в советских законах выглядели для крестьян ирокезской грамотой. Но не налоговая инструкция. В ней мужики разобрались сразу. Оправдались опасения, что крестьянство не поддержит введение новых статей обложения, хотя по первому взгляду это выглядело справедливо. Зачастую под пресс прогрессивного оклада попадали бедняки и середняки, добывавшие хлеб на заводах,

фабриках и шахтах. Богатые крестьяне на заработки в город не ходили. Единый сельскохозяйственный налог в трактовке 1926 -27 года существенно ухудшил экономическое положение деревни, подтолкнул ее к искусственному обеднячиванию. После выхода налога крестьяне бросали кое-где сеять и везли семена с пашни обратно по домам. В результате перехода к новой системе обложения началась распродажа скота зажиточными хозяйствами, сокращение аренды земли, порубки плодовых садов. Возродилось массовое укрывательство посевных площадей. В общем, крестьяне знали, что делать после введения закона, облагающего, образно говоря, дворовую собаку: ямы, в которых они прятали хлеб в период «военного коммунизма» еще не успели зарости. Главным следствием новой податной политики явилось снижение прироста посевных площадей и падение урожайности крестьянских полей. Страна вступала в эпоху борьбы за хлеб, очень скоро перешедшую в битву за продовольствие.

**ЛИЧНОСТЬ РЕФОРМАТОРА:
НАРКОМ ФИНАНСОВ Г.Я. СОКОЛЬНИКОВ (1888 - 1939 гг.)**

Тема «реформы и реформаторы» очень важна и актуальна для понимания организационных и концептуальных особенностей, как социально-экономических реформ 1920-х годов, так и реформ начала 1990-х в России. Роль личностного фактора в государственной жизни России и менталитете ее граждан во все времена была весьма решающей. Насколько денежная реформа 1922-1924 гг. несет в себе печать личности Г.Я. Сокольникова, его авторской позиции, его мироощущений?

Выпускник юридического факультета Сорбонны и высших экономических курсов в Париже; интеллектуал, свободно владевший несколькими иностранными языками, Г.Я. Сокольников проявил себя в самых разных областях государственной, общественной и научной жизни страны. Активно участвуя в бурных событиях революции и гражданской войны, в октябре 1917-го Г.Я. Сокольников стал одним из семи членов Политбюро ЦК РКП(б). Позднее возглавил делегацию, по подписанию Брест-Литовского мирного договора с Германией. Командарм на Туркестанском фронте, один из руководителей Госплана и глава трех народных комиссариатов. Но, пожалуй, важнейшую роль Григорий Яковлевич сыграл в поиске путей стабилизации разрушенной экономики в 20-е годы.

Г.Я. Сокольников стал пятым наркомом финансов советской России. Но трое его предшественников сменилось уже за первые полгода Советской власти. Лишь Н.Н. Крестинский проработал в этой должности несколько лет. Именно он рекомендовал Сокольникова на должность своего первого заместителя, а затем и наркома финансов.

Документальное наследие Г.Я. Сокольникова свидетельствует о разносторонних талантах и организаторских способностях, неординарных взглядах экономиста и незаурядных личностных качествах реформатора, без которых успех реформы не был бы гарантирован.

Г.Я. Сокольников (среди прочих материалов) бережно хранил доклады, справки, копии протоколов заседаний народного комиссариата финансов Турке-

стана. Именно здесь он осуществил на практике в 1920 г. одну из своих идей по стабилизации денежного обращения.

В разных государственных архивах сосредоточены отдельные документы и рукописи Г.Я. Сокольникова. Стенограммы совещаний с выступлениями Г.Я. Сокольникова, доклады, записки и другие документы, сохранившиеся в Российском государственном архиве экономики (РГАЭ), преимущественно затрагивают вопросы финансовой политики и денежной реформы. Нарком финансов больше, чем кто-либо другой понимал, насколько важна и необходима для России твердая валюта. В «твердой финансовой политике» государства Сокольников видел одно из главных условий восстановления хозяйства и недопущения финансового краха, считая, что это «задача не только экономическая, но и политическая».¹

Борьба за преодоление финансового кризиса, по его убеждению, должна вестись всеми возможными средствами «вплоть до борьбы за каждую копейку, за каждую хоть и незначительную экономию».² На совещании по вопросу о денежной реформе в конце 1923 г. нарком конкретизировал три условия, при которых возможен ее успех: «сравнительное сокращение дефицита, отказ от системы натурального налога и развитие экспорта, преобладание вывоза над ввозом».³ В своих многочисленных выступлениях Г.Я. Сокольников не устал повторять, что за границей Советская Россия «расценивается» по ее финансам и ее валюте.

Особое значение для выяснения роли Сокольникова в проведении денежной реформы имеет его личный фонд, хранящийся в Российском государственном архиве социально-политической истории (РГАСПИ). Этот интереснейший документальный комплекс более 50-ти лет был скрыт от ученых в личном архиве наркома внутренних дел Н.И. Ежова. Документы были засекречены и не доступны для исследователей вплоть до 1995 г., некоторые из них до сих пор не введены в научный оборот.

Наиболее многочисленную группу документов составляют материалы о государственной деятельности Г.Я. Сокольникова. Часть документов относится к 1917-1918 гг.

---

¹ РГАЭ. Ф.7733. Оп.1. Д.6727. Л.6

² Там же.

³ РГАЭ. Ф.7733. Оп.1. Д.6728. Л.

и характеризует работу Г.Я. Сокольникова на посту товарища Управляющего Госбанком, управляющего комиссариатом бывших частных банков, а также об участии Г.Я. Сокольникова в работе госкомиссий (бюджетной, по усилению экспорта и др.).

Основной комплекс документов фонда отражает подготовку и проведение денежной реформы 1922-1924 гг. Он представлен записками Г.Я. Сокольникова в Политбюро, Оргбюро и секретариат ЦК РКП(б) - ВКП(б), на имя В.И. Ленина И.В. Сталина, А.А. Андреева, В.М. Молотов и др., а также руководства Наркомата финансов.⁴ Большинство из них - рукописные автографы Г.Я. Сокольникова. Эти документы свидетельствуют о несомненном знании Г.Я. Сокольниковым всех нюансов экономической и финансовой политики. Кроме того, они служат неоспоримым доказательством неправомерности заявлений некоторых современных публицистов о том, что авторство денежной реформы принадлежит не Сокольникову.

В записках и справках, лично составленных наркомом финансов, приводится четко продуманная система мер по осуществлению реформы и аргументированные доводы в пользу тех или иных предложений Г.Я. Сокольникова.

Реформа воспринималась Сокольниковым как обязательный и необходимый элемент в общеэкономической перестройке хозяйственного механизма в целом. Положительный результат реформы он видел в комплексе одновременных мер государства в сфере бюджета, эмиссии, государственных займов, налогов, валюты, внешней торговли и т.д. Многочисленные документы: программы, тезисы, проекты постановлений Политбюро, ЦИК и СНК СССР, СТО; доклады, стенограммы выступлений свидетельствуют о личной проработке Г.Я. Сокольниковым теоретических, организационных и практических шагов в реализации денежной реформы.⁵

В обстановке ожесточенной полемики и противодействия со стороны работников Госплана и наркоматов Сокольников последовательно отстаивал свои позиции в самых высших инстанциях. Несмотря на наличие административного ресурса, нарком финансов испытывал серьезное противостояние со стороны целого ряда экономистов. Так С.Г. Струмилин выступал против идеи золотого обеспечения устойчивости денег и рас-

⁴РГАСПИ. Ф.640. Оп.1. Д. 18.

⁵Там же, Д. 19-21.

смастривал ее, как пережиток «эпохи Витте». Выпуск банкнот Госбанка вызвал резкие возражения Н.Н. Шапошникова, А.А. Соколова, И.Х. Озерова и др. Твердость характера и убежденность в своей правоте помогли Сокольникову одержать верх над оппонентами и довести денежную реформу до конца.

С 1922 г. вновь воссозданному Госбанку было предоставлено право выпуска банковских билетов - червонцев, с твердым покрытием. Параллельно с ними в течение 15 месяцев продолжали ходить в обращении постоянно обесценивающиеся советские денежные знаки, эмиссией которых правительство заполняло прорехи в бюджете. Эти дензнаки также выполняли функцию разменных денег для червонцев, покупательная способность которых была достаточно высокой - на уровне дореволюционной золотой десятки. Именно по инициативе Сокольникова червонец поступил в обращение. Эта блестящая идея, подкрепленная четкими организационными мероприятиями, позволила отказаться от эмиссии для покрытия бюджетного дефицита. Некоторые исследователи назвали это образцом применения системы «валютного управления» (монетаризм по-советски).

В подготовке реформы участвовало большое количество дореволюционных специалистов. Так, практические вопросы реализации идеи конвертируемости советских червонцев разрабатывал Н.Н. Кутлер, один из основателей Госбанка СССР (в правительстве Витте он был директором департамента министерства финансов).

В многочисленных совещаниях под председательством Т.Я. Сокольникова, где обсуждались проблемы денежной реформы, участвовали Л.Н. Юровский, М.К. Владимиров, А.Л. Шейман, Н.Н. Кутлер, А.Г. Хрущов, З.С. Каценеленбаум, А.А. Чернецкий, А.А. Соколов, В.В. Тарновский и другие.⁶ Определенный вклад в теоретическое обоснование реформы, внесли И.Н. Леонтьев, А.А. Дезен, С.С. Меклер и другие. Многие из них (как и сам Сокольников) впоследствии были репрессированы. Одного из авторов идеи «золотого червонца» дворянина В.В. Тарновского «вычистили» в 1929 г. из советских учреждений «по первой категории (т.е. лишили социальной защиты: пенсии, выходных пособий, права работать в любых государственных и кооперативных организациях). Л.Н. Юровского впервые арестовали в 1930, расстреляли в 1938 г.

⁶ РГАСПИ. Ф.5. Оп.1. Д.1372. Л.1

Привлечение к сотрудничеству выдающихся дореволюционных финансистов является личной заслугой Г.Я. Сокольникова. Он сумел объединить опыт и знания своих коллег, интегрировать идеи, определить сущность финансовой политики в тот период и нести полную меру ответственности за проводимую им реформу. К сожалению, успех реформы не застраховал Сокольникова от трагической участи «врага народа».

Участие в «троцкистско-зиновьевской оппозиции» привело к утрате Сокольниковым ключевых партийных и государственных постов. В 1926-1928 гг. он работает заместителем председателя Госплана СССР. В 1928 г. назначается председателем правления Нефтесиндиката, а в 1929-1931 - полпредом СССР в Англии. С 1932 и по 1935 гг. Г.Я. Сокольников занимает должность заместителя наркома иностранных дел. В 1935-1937 гг. работает заместителем наркома лесной промышленности. В 1937 году Г.Я. Сокольников был арестован и осужден по делу «о параллельном антисоветском троцкистском центре» и приговорен к 10 годам заключения. Григорий Яковлевич Сокольников погиб в лагерях в 1939 году.

Г.Я. Сокольников принадлежит к личностям, оставившим весомый и яркий след в истории нашего государства. Многогранная деятельность и трагическая судьба этого человека, безусловно, будет привлекать внимание исследователей истории России и профессиональных экономистов.

ИСТОРИЯ ДЕНЕЖНЫХ РЕФОРМ СОВЕТСКОГО ГОСУДАРСТВА В ДОКУМЕНТАХ РГАЭ

В Российском государственном архиве экономики хранятся интереснейшие документы по истории денежных реформ в Советской России и СССР. Эта коллекция представлена прежде всего документами таких фондов как Министерство финансов СССР (ф. 7733), Государственный банк СССР (ф. 2324), Центральное статистическое управление (ЦСУ) Совета Министров СССР (ф. 1562), редакция «Крестьянской газеты» издания ЦК РКП (б) - ВКП (б) (ф. 396), а также документами из личных фондов архива. Документальные источники дают уникальную возможность получить совокупность самых разнообразных сведений директивного, организационно - распорядительного, статистического и аналитического характера.

В ходе гражданской войны и «красногвардейской атаки на капитал» были разрушены привычные экономические связи. Предприниматели закрывали предприятия, утаивали капиталы. Кредитные отношения отмирали, усиливалась инфляция, что привело к выпуску необеспеченных реальными ценностями «бумажных» денег. По всей территории России получили распространение региональные денежные суррогаты. Кроме этого продолжался оборот «царских» денег и «керенок».

Экономическое положение страны после семи лет мировой и гражданской войн, а также двух революций было катастрофическим.

В 1918-1920 годах работа Наркомфина сводилась в основном к составлению планов эмиссий и выпуску бумажных денег в обращение. У населения сложилось стойкое недоверие к денежным знакам Советской власти. Бедственное экономическое положение в стране требовало проведения денежной реформы.

Декреты СНК РСФСР от 15 мая 1919 г. и 4 марта 1920 г. обеспечили выпуск денежных знаков советского образца, которые вытеснили денежную массу предшествующих периодов.

В фонде Минфина СССР имеются документы, отражающие узловые этапы первой денежной реформы Советской России, к ним, например, относятся: Декреты СНК РСФСР о

выпуске в обращение новых денежных знаков¹, постановление СНК об аннулировании государственных процентных бумаг², образцы советских расчетных денежных знаков 1919 г. выпуска,³ приказ Наркомата финансов СССР во исполнении Декрета СНК РСФСР от 13 февраля 1920 г. об учреждении государственного хранилища ценностей РСФСР (Гохрана)⁴, материалы о сборе чрезвычайного революционного налога⁵, справки о денежном обращении и экономическом положении отдельных районов страны⁶ и др. Очевидный интерес представляют письма и заявления граждан России, которые пронизаны атмосферой первых послереволюционных лет и передают восприятие событий конкретными людьми.

К 1920-у году общий объем промышленной продукции по отношению к 1913 году составил 20-30%. Продукция сельского хозяйства по сравнению с довоенным периодом сократилась на треть. Железнодорожный транспорт был почти парализован. В стране нарастал экономический и политический кризис.

Л.Д. Троцкий внес предложение в Политбюро ЦК РКП(б) о замене изъятия излишков продуктов процентным отчислением с тем расчетом, чтобы сельскохозяйственный труд представлял какую-то выгоду. В 1921 году X съезд РКП(б) по докладу В.И. Ленина принял решение о замене продразверстки продналогом, что положило начало проведению новой экономической политики.

Развитие товарно-денежных отношений потребовало принятия мер по упрочению финансовой системы. В конце 1922 годы были выпущены новые банковские билеты - червонцы, обеспеченные золотом. Они принимались к оплате на мировом рынке и высоко там ценились.

В фонде Минфина СССР имеются многочисленные сведения о проведении денежной реформы 1922-1924 гг.⁷ Информативны статистические таблицы Наркомфина СССР о ди-

---

¹ РГАЭ. Ф. 7733, Оп. 1. Д. 166. Лл 53, 122

² РГАЭ. Ф. 7733. Оп. 1. Д. 3227. Лл. 66-69

³ РГАЭ. Оп.1. Д. 166. Лл. 54-56

⁴ РГАЭ,Ф. 7733. Оп. 1. Д. 231. Лл. 16-18 об.

⁵ РГАЭ. Ф. 7733. Оп. 1. Д.4974. Лл 2-4, Д. 4989. Лл. 3-6(об), 18-18(об) и др.

⁶ РГАЭ. Ф. 7733. Оп. 1. д. 378. Лл.15-15 об, Д.6270. Лл. 133-134 и др.

⁷ РГАЭ.Ф. 7733. Оп. 1. Д. 895.Лл1-4, .Оп. 2. Д. 258.Лл 35-36, Д. 264.Лл. 10,22, Оп. 3. Д. 945. Лл.1-4 и др.

намике валютного курса червонца и индексов розничных цен, количестве денег в обращении, развитии государственного кредита, доходах от государственных займов и другие.⁸

В контексте денежной реформы представляют большой интерес личные дела народного комиссара финансов СССР Г.Я. Сокольникова и начальника Валютного управления Наркомфина СССР Л.Н. Юровского. Документальные свидетельства фонда Минфина СССР дополняются письмами крестьян в «Крестьянскую газету» о проведении реформы 1922-1924 года (Ф. 396).⁹ Мнение крестьян об итогах денежной реформы особенно важно и интересно, так как именно крестьянство страдало от наличия в обращении огромного количества обесцененных денежных знаков, что приводило к неэффективности торговых операций и замене их продуктообменом.

В конце 1920-х годов состояние денежной системы СССР значительно ухудшилось. Кредитование промышленности и сельского хозяйства на основе государственных директив сформировало ситуацию, которая шла вразрез с реальными потребностями и возможностями экономики страны. К началу 1930-х годов экономическая природа червонца существенно изменилась. Денежное обращение приобрело эмиссионно-кредитный характер. Произошедшие изменения в денежной системе СССР нашли отражение в документах фонда Минфина СССР.

В 1930-е годы страна встала на путь ускоренного промышленного развития. Крупнейшими стройками этих лет стали Днепрогэс, Сталинградский, Челябинский, Харьковский тракторные заводы, заводы тяжелого машиностроения в Свердловске и Краматорске, 1-й шарикоподшипниковый завод в Москве, химические комбинаты в Березниках и Бобриках, два металлургических комбината: Магнитогорский на Урале и Кузнецкий в Западной Сибири. В годы первой и второй пятилеток «бумажные» деньги стали одним из важнейших источников финансирования ускоренного экономического развития страны. В этих условиях государство было вынуждено ввести карточную систему обеспечения населения продуктами питания и промышленными товарами. Одновременно увеличились размеры прямых изъятий из доходов населения в форме новых налогов, сборов и принудительных государственных займов.

⁸ РГАЭ. Ф. 7733. Оп. 1. Д. 783. Л. 27, Д.785. Л.25, Д. 6918. Л. 257, Оп. 2. Д. 303. Л. 17, Д. 972, Л.154 и др.

⁹ РГАЭ. Ф. 7733. Оп.1. Д. 187. Лл. 416-417, 466-466 об., Д.4989.Лл. 3-6 об, 18-18 об. и др.

В 1940-е годы значительный бюджетный дефицит был обусловлен резко возросшими военными расходами государства в ходе Великой Отечественной войны. В обращение было выпущено большое количество денег при одновременном сокращении производства товаров. Кроме того, на временно оккупированных советских территориях выпускались фальшивые деньги. Крупные запасы денежных средств скопились в руках спекулянтов.¹⁰

Задачи перехода к открытой торговле по единым ценам и борьбы со спекулятивными элементами в стране потребовали решительного оздоровления финансовой системы.

В РГАЭ хранятся документы, наглядно демонстрирующие состояние финансового механизма СССР в этот период.¹¹ Идея реформы оздоровления денежного обращения возникла у руководства страны еще в середине войны. В фонде Минфина СССР имеется проект денежной реформы, подготовленный специалистами Наркомата финансов СССР во главе с профессором, доктором экономических наук В. Дьяченко¹², а также доклад наркома финансов СССР А.Г. Зверева в Совет Народных Комиссаров СССР о бюджете и денежном обращении накануне и в годы войны и о мерах по стабилизации денежного обращения.¹³

В соответствии с постановлением Совета Министров СССР и ЦК ВКП(б) от 14 декабря 1947 г. «О проведении денежной реформы и отмене карточек на продовольственные и промышленные товары» был установлен порядок обмена старых денег на новые, а также определены условия переоценки денежных вкладов в сберкассах и Госбанке СССР. Эта реформа готовилась в строжайшей тайне и была неожиданной для тех, кто имел сбережения. При перерасчете зарплаты деньги обменивались таким образом, что зарплата оставалась без изменения. По вкладам в сберкассы суммы до 3 тысяч рублей обменивались также один к одному, по вкладам от 3 до 10 тысяч рублей было произведено сокращение накоплений на одну треть суммы, по вкладам в размере свыше 10 тысяч рублей изымалось две трети суммы. Те же, кто хранил деньги дома, при обмене получил один новый рубль за десять старых.

---

¹⁰ РГАЭ. Ф. 7733. Оп. 36. Д. 2273. Лл. 109-110

¹¹ РГАЭ. Ф. 7733. Оп. 36. Д. 134. Лл. 2-9, Д. 1574. Лл. 64-80, Д. 1677. Лл. 35-59, Д. 1859. Лл. 147-162

¹² РГАЭ. Ф. 7733. Оп. 36. Д. 1869. Лл. 39-77

¹³ РГАЭ. ф. 7733. Оп. 36. Д. 2272. Лл. 172-197

Одновременно с проведением денежной реформы отменялась карточная система снабжения продовольственными и промышленными товарами, вводилась продажа товаров по единым сниженным государственным розничным ценам. Была проведена конверсия государственных займов: облигации всех предыдущих займов подлежали обмену или выкупу из расчета 5 рублей по облигациям предыдущих займов к 1 рублю облигаций займов 1947 и 1948 годов. Такой обмен способствовал принудительному снижению государственного долга. В фонде Минфина СССР сохранилась справка начальника Отдела кредита и денежного обращения И. Дымшица о погашении государственного долга страны во время проведения денежной реформы 1947 года.¹⁴

Особенность коллекции архивных документов РГАЭ по истории денежной реформы 1947 года состоит в том, что значительная часть документальных материалов в течение длительного времени находилась на режиме секретного хранения и лишь в последние годы эти источники стали доступны исследователям.

В 1997 году было рассекречено около 3.5 тыс. дел фонда Минфина СССР за 1924-1952 гг. Гриф «Секретно» был снят с постановлений и выписок из протоколов высших правительственных органов СССР по вопросам деятельности Наркомата финансов СССР за 1924-1930 гг., приказов и циркуляров Наркомфина по основной деятельности за 1929, 1935, 1937-1942 гг., государственных бюджетов СССР и документов по их составлению, заключений Госплана СССР по проектам союзного бюджета на 1941-1945 гг. росписи государственных доходов и расходов по союзному бюджету военного времени, балансов доходов и расходов наркоматов, главных управлений за этот же период, переписки с ЦК ВКП (б). Советом Министров СССР, МВД СССР, МИД СССР, Гознаком по вопросам финансирования государственных займов, исполнения государственного бюджета, о взимании налогов и сборов, пересмотре прейскурантов розничных цен на продовольственные и промышленные товары. Предпосылки реформы 1947 года показывают докладные записки Минфина о денежном обращении за годы войны, справки о денежных суммах в руках спекулянтов, книги учета открытых кредитов по союзному бюджету по министерствам за 1945-1952 гг., многочисленные справочные таблицы о количестве денег,

---

¹⁴ РГАЭ. Ф. 7733. Оп. 36. Д. 2959. л.14

выпущенных в обращение с 1924 г. по 1947 г., о ходе обмена денег и переоценке вкладов, документы по проверке кадров Гознака и другие. Рассекреченные источники по истории денежной реформы 1947 года позволяют продолжить научные исследования в области денежного обращения и развития советской экономики в послевоенные годы.

В конце 1950-х годов вновь был поставлен вопрос о проведении денежной реформы. Усилился инфляционный характер денежного обращения, что во многом было связано с постоянным ростом дефицита товаров массового потребления. В справке Минфина СССР за 1959 год отмечается невыполнение государственного плана по приливу наличности в кассы Госбанка СССР в связи с хроническим невыполнением плана по товарообороту. ¹⁵

История проведения денежной реформы 1961 года отражена в документах фондов Минфина СССР и ранее засекреченных документах Центрального статистического управления (ЦСУ) при Совете Министров СССР. В 1993, 1996 годах гриф «Секретно» был снят более чем с 600 документов этого фонда за 1948-1963 годы.

В отличие от реформы 1947 года население было заранее оповещено о проведении денежной реформы. В постановлении Совета Министров СССР от 4 мая 1960г. были сформулированы основные положения реформы. В обращение вводились новые денежные знаки путем обмена прежних в соотношении 10 рублей на 1 рубль нового образца. Одновременно с обменом изменился и масштаб цен в соотношении аналогичном курсу обмена денежных знаков. Переоценке в том же соотношении подлежали и сбережения населения. Документы РГАЭ наглядно свидетельствуют о ходе обмена наличных денег. ¹⁶ В связи с изменением масштаба цен был установлен и новый курс рубля при расчетах во внешней торговле. Так, доллар США приравнивался к 90 копейкам, а не к 4 рулям, как прежде. Денежная реформа 1961 года явилась неотъемлемой частью развития советской экономики последней трети XX века.

Документы Российского государственного архива экономики позволяют проанализировать успехи и неудачи денежной политики СССР. Они содержат ценную и ранее недоступную информацию об историческом опыте денежных реформ советского социалистического государства.

---

¹⁵ РГАЭ. Ф. 7733. Оп. 49. Д. 1065. Лл. 10-23

¹⁶ РГАЭ. Ф. 7733., Оп. 49. Д. 122. Лл. 32-37, Оп 52. Д. 54. Лл. 67-70, 72-74

ДОКУМЕНТЫ РГАСПИ О ДЕНЕЖНЫХ РЕФОРМАХ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XX в.

В исследованиях истории денежных реформ в России первой половины XX века невозможно обойтись без документальных источников РГАСПИ. Архивные фонды «Центрального Комитета КПСС», «Секретариата В.И. Ленина», а также личные фонды В.И. Ленина, И.В. Сталина, В.М. Молотова, и Г.Я. Сокольникова и др. позволяют отразить подготовку и проведение денежных реформ в 1922 - 1924 гг. и в 1947 г.

В ленинском фонде отложились документы о состоянии денежной системы Советской России 1917 - 1920 гг. Среди них: черновой набросок Ленина о банковской политике и его проект декрета о национализации банков (ноябрь - декабрь 1917 г.); переписка В.И. Ленина на заседаниях СНК с членами правительства о замене старых бумажных денег новыми; подготовительные материалы к утверждению постановлений и декретов об аннулировании государственных процентных бумаг и другие документы. Материалы архива демонстрируют процесс подготовки и утверждения директив (1919 г.) о порядке ведения расчетных операций, о слиянии сберегательных касс с отделениями Народного банка, о выпуске «пензенок» в целях изъятия из обращения кредитных билетов старых образцов, о многократном увеличении продажной цены вексельных бланков и актовых бумаг с постепенным их изъятием из обращения. Политика стабилизация денежной системы требовала возврата в государственную казну находящейся у населения бумажной денежной масс, в том числе посредством государственных займов и аннулирования займов царского и Временного правительств с автоматическим прекращением действия иностранных займов; установление максимальной суммы накопления вкладчиками денег в банке и недельной потребительской нормы снятия денег с банковских вкладов; введение в оборот большой массы новых денег («совзнаков») с печатанием купюр крупных достоинств.

Все это нашло отражение в архивных источниках и диктовалось критическим положением с продовольствием в годы революции и гражданской войны, угрозой голода и, как следствие, стихийно растущей спекуляцией. Практика показала несостоятель-

ность проводимой политики как рычага регулирования товарно-денежных отношений. Недоверие населения к постоянно обесценивающимся советским деньгам, не обеспеченным товарным покрытием, усиливалось.

Значительно меньший, но не менее важный по объему комплекс документов ленинского фонда отражает подготовительный этап денежной реформы Г. Я. Сокольникова. В апреле 1921 г. В.И. Ленин получил проект постановления финансовой комиссии ЦК РКП(б) и СНК РСФСР, работой которой руководил член Коллегии Наркомфина Е.А. Преображенский, о реформе бумажного обращения. В проекте документа, не предназначавшегося для печати, предлагалось провести деноминацию в соотношении 1: 1.000. После внесения правок по тексту проекта постановления, Ленин предложил составу комиссии изучить движение цен. товарного фонда и товарооборота и, естественно, вопросов по денежной реформе. В октябре того же года В.И. Ленин отметил медленные темпы предварительной проработки вопросов изменения денежного обращения и рекомендовал Е.А. Преображенскому разработать программу и календарный план проведения реформы.

В фонде хранится переписка В.И. Ленина с заместителем наркома (с ноября 1922 г. - наркомом финансов) Г. Я. Сокольниковым. В феврале 1922 г. Г.Я. Сокольников прислал В.И. Ленину для ознакомления тезисы «Основные положения финансовой программы», в которых изложил свое понимание роли денег при переходе от натуральной формы снабжения к рыночной. Сокольников обращал внимание Ленина на выполнение деньгами двух функций - как расчетного знака в торговом процессе между производителем и потребителем и как платежного знака в отношениях между государством и рынком. Соблюдение этих двух функций денег в социалистическом государстве позволит оставить в неприкосновенности его золотой фонд. При этом Сокольников предлагал изменить налоговую политику таким образом, чтобы сократить размеры натурального обложения и перейти к денежным налогам, развивать кредитные операции Госбанка.

Ленин справедливо называл Сокольникова «ценнейшим работником». В мае 1922 г. у них возникли разногласия по вопросу о выпуске краткосрочного государственного хлебного займа. В.И. Ленин опасался, что реализация предложения Наркомата финансов только усугубит финансовое положение республики, и назвал проект Г.Я. Сокольникова о получении хлеба от деревни в долг «самообманом». Возражая Ленину, Со-

кольников подчеркнул, что «без внутреннего кредита, опирающегося на происходящий в стране процесс мелкого накопления, вести денежное государственное хозяйство мы вообще не сможем». В условиях катастрофического обесценивания денег проведение займа «есть путь выкупа выпущенных нами бумажных денег (за гроши), расчистка почвы для выпуска твердых денег (хотя бы бумажных)».

Разногласия между В.И. Лениным и Г.Я. Сокольниковым не приняли характер конфронтации. По многим дискуссионным вопросам заместителю наркома (наркому) финансов удавалось отстаивать собственные позиции и соображения своих коллег, что, несомненно, благотворно сказалось на итогах реформы, заслужившей признание в России и за границей.

Важную и многоаспектную информацию по теоретической проработке многих вопросов реформы и практическим шагам по ее осуществлению содержат документы фонда «Секретариат В.И. Ленина». Записки Г.Я. Сокольникова 1922 г. свидетельствуют о формировании денежной политики, подготовке проекта финансовой программы на 1922 - 1923 гг., обсуждении вопросов о переводном коэффициенте с денежных рублей на «совзнаки», о рыночном обращении золота и его наличии в советской России, о покупной цене золотых рублей на валютном рынке в Москве и многих других.

Этапы подготовки денежной реформы нашли отражение в протоколах заседаний политбюро ЦК партии (фонд «Центральный Комитет КПСС»). В сентябре 1921 г. было принято важное решение о создании в составе Наркомата финансов банковского правления (Госбанка) для осуществления вкладных операций, выдачи ссуд под товары и обязательства, ведения расчетов по финансированию государственных предприятий, кооперативов и частных лиц. На заседаниях обсуждались и утверждались протоколы заседаний комиссии Наркомфина и финансовой секции Госплана РСФСР о реформе денежного обращения (февраль 1921 г.), о легализации владения золотом, драгоценностями, иностранной валютой без принуждения сдачи их государству (февраль 1922 г.). В марте 1922 г. рассматривался вопрос о ведении чековых расчетов между ведомствами.

На заседании политбюро ЦК 29 июня 1922 г. было принято решение о «своевременности» введения в стране обеспеченной золотом валюты в виде билетов Госбанка, которое можно считать отправной точкой начала реформирования денежного обращения в СССР. Последующие постановления 1922 г. конкретизировали ход начавшейся кампа-

нии. В июле было принято решение о названии билета Госбанка червонцем. Он приравнивался к определенной массе золота без выражения его в рублях. Номиналы банковских билетов устанавливались в 100, 250, 500 и 1000 золотых рублей. В августе был запрещен выпуск купюр достоинством ниже 10 червонцев. В октябре утверждено соотношение выпуска банкнот Госбанка (червонцев) различных достоинств и принято предложение Г.Я. Сокольникова об ограничении чеканки червонцев в стране количеством не более 100 тысяч единиц. На заседаниях политбюро ЦК партии 1923 г. были приняты решения об утверждении образца золотой монеты (июль); об издании циркуляра НКФ СССР о реализации золотого выигрышного займа (август); о разрешении выпуска новых денежных знаков СССР. На заседании политбюро ЦК РКП(б) в январе 1924 г. утвержден проект декрета СНК СССР о выпуске государственных казначейских билетов.

Эти официальные документы значительно дополняет комплекс источников из личного фонда Г.Я. Сокольникова. Среди них - тезисы о государственной финансовой политике, планы мероприятий, циркуляр ЦК РКП(б) всем партийным органам о порядке осуществления реформы (утвержден 7 марта 1924 г.), проект обращения ВЦИК и СНК к трудящимся. В докладных записках в ЦК партии и СТО СССР, переписке с видными партийными и государственными деятелями представлена многогранная деятельность Сокольникова на посту руководителя наркомата финансов. Следует выделить документы о замене подписей на купюрах выпуска 1923 г., изготовлении мелких бон, казначейских билетов и серебряной монеты в Лондоне, чеканке медной монеты внутри страны, воспрещении выпуска денежных суррогатов, регламентации курса «совзнаков», технике перехода на твердую валюту, приеме во всех кассах Госбанка во все платежи государственных казначейских билетов и размене червонцев на государственные казначейские билеты, переходе на твердую валюту в Москве, переводе коллективных договоров на обеспечение твердой валютой. В фонде имеется стенограмма проведенного в ноябре 1923 г. совещания в Социалистической Академии с конспектом доклада Г.Я. Сокольникова о денежном обращении СССР, перечни декретов о проведении денежной реформы, образцы обязательств РСФСР 1922 г. и многие другие документы. История подготовки и проведения денежной реформы 1947 года также представлена в архивных фондах РГАСПИ. 27 мая 1947 г. политбюро ЦК партии приняло решение о создании под руководством В.М. Молотова комиссии для подготовки проекта постановления о прове-

дении в стране денежной реформы 13 декабря того же года было утверждено совместное постановление Совета Министров СССР и ЦК ВКП(б) «О проведении денежной реформы и отмене карточек на продовольственные и промышленные товары». Официально причинами обмена бумажных денег старого образца на новые явились чрезмерное увеличение в годы Великой Отечественной войны денежной бумажной массы в обращении для нужд армии и развертывание военной промышленности и запуск в обращение большого количества фальшивых рублей немецкими оккупантами. В результате покупательная сила денег понизилась, что требовало осуществления мероприятий по укреплению советского рубля. Для обмена денег устанавливался недельный срок, а в отдаленных районах - срок в две недели, начиная с 16 декабря. Обмен имеющихся в наличии денег проводился в соотношении десять рублей в деньгах старого образца на один рубль в деньгах образца 1947 г.; вклады размером до 3000 рублей включительно оставались без изменения в номинальной стоимости, размеры вкладов сверх 3000 рублей образца 1947 г. подвергались прогрессивному «урезанию». В личном фонде В.М. Молотова сосредоточена переписка с министром финансов СССР А.Г. Зверевым по подготовке реформы. В этих документах затрагиваются многие вопросы как концептуального, так и технического характера. В частности вопросы о замене денежных знаков в связи с их эмиссией (документы указывают одну из подлинных причин обмена - неравномерное распределение находящихся в обращении денег между группами населения); об установлении пропорции обмена старых денег на новые; об одновременной деноминации, (т.е. общего понижения цен и заработной платы); о развозе новых денежных знаков в хранилища республиканских, краевых и областных контор Госбанка; о количестве находящихся на руках старых денег; об ориентировочном распределении по стране денежной массы. В фонде имеются различные варианты постановления Совмина СССР о проведении реформы справкой В.М. Молотова. Многие из этих материалов подтверждают мнения исследователей о конфискационном характере денежной реформы 1947 г., когда проблема оздоровления денежного обращения решалась посредством насильственного изъятия находящихся на руках у населения средств.

* * *